

И. А. МАРФУНИНА (Москва)

СОХРАНЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ КАК ДВУЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Понятие нормы связано прежде всего с книжным языком и письменной речью и представляет собою совокупность рекомендаций, как нужно писать и говорить.

Стремление к нормализации языка известно с древних времен: так, в конце XIV века второе южнославянское влияние, связанное с именем митрополита Киприана, носило кодифицирующий характер в области графики и орфографии и вылилось в книжную справу, выразившуюся в замене полуустава уставом, в введении «юса большого», в устранении «йота» после гласных (*Всеа Руси*), в закреплении написания редуцированного после плавного в сочетании редуцированных с плавными (*првьѣи*).

Литературная норма – явление развивающееся. Это означает возможность вхождения в язык и закрепление в нем законных, кодифицированных элементов на всех его уровнях: лексическом, грамматическом, фонетическом и орфографическом.

Новое, входящее в употребление, относится к уже существующему, традиционному двояко: либо сосуществует с ним, либо его отвергает. Так, М.В. Панов отмечает, что наряду с твердым произношением долгих шипящих [вбѣжы] как новым в языке старшего поколения сохраняется мягкое произношение [вбѣжи]; при редуцированном гласном во флексии глаголов 2 спряжения в форме 3 л. мн. числа [вбѣжѣтъ] допускается старое произношение с гласным [у] – [вбѣжѣут], [стрѣжѣут] (1, 359).

Отметим, что изменение нормы может подготавливаться постепенно: например, в современной русской орфоэпической системе обнаруживается тенденция произношения мягких согласных перед звуком [э] в словах иностранного происхождения: [фон'эма], [д'э'кэн], однако возможно и традиционное твердое произношение. Двояким способом, вероятно, можно произносить и название *культурема* – основной единицы сопоставительно-

культурогенного синтаксиса, являющегося новым направлением в языкознании (2, 558–559).

Существовавшая до недавнего времени норма твердого произношения согласного перед последующим гласным переднего ряда [э] в нерусских словах типа *декан* иногда вызывала ошибочное произношение в словах типа [д'эмън], [п'иан'эр], [тэкст] вместо нормированного [д'эмън], [п'иан'эр], [т'экст]. Мягкое произношение [фон'эма], [д'э^нк'ан] делает более последовательной тенденцию произнесения согласного как мягкого перед [э] в иноязычных словах.

Норма неразрывно связана с развитием языка, она же подтверждает вытеснение отдельных явлений: например, было устранено ударение *английский, библиотека, параграф*, заменившись на *английский, библиотэка, парáграф*. Форма творительного падежа множественного числа на *-ы, -и* вытеснена формой с флексией *-ами*. Историки языка отмечают особую устойчивость формы на *-ы, -и*: она сохранялась тогда, когда формы дательного и местного падежей усвоили новые для них флексии *-амъ, -ахъ*, и все же в конечном итоге и в форме творительного падежа нормативной стала флексия *-ами*. Можно говорить об абсолютной, а не относительной, как это чаще бывает в языке, хронологии этого процесса: еще М.В. Ломоносов свободно пользуется формами на *-ы, -и*: с многими *народы, с внучаты, с тучи*. Во 2-ой половине XVIII века они воспринимаются как архаичные, книжные, напр., у Фонвизина – всеми моими *чувствы*, у Державина – с *египтяны*. В литературе XIX века форма на *-ы* используется только как стилистический прием: напр., с оттенком иронии употребляет ее М.Ю. Лермонтов в романе *Княгиня Лиговская*: Печорин с *товарищи* являлся на всех гуляньях. В целях стилизации под старорусский язык прибегают к этой форме в сказках, песнях. У Пушкина в *Сказке о рыбаке и рыбке* находим сочетание: с тесовыми *вороты* (3, 265–266). Можно сказать, что рубежом жизни формы на *-ы* оказалась середина XVIII века. Не исключено, что запрет на ее употребление был наложен каким-нибудь кодексом правил.

В начале XIX века еще было нормативным такое синтаксическое явление, как родительный падеж неодушевленного существительного при глаголе *слушать*: Что, подруженька, с тобой? Вымолви словечко, слушай *песни круговой*; вынь себе колечко (В.А. Жуковский. *Светлана*), впоследствии вытесненный формой винительного падежа: слушай *песню круговую*.

Изменение орфографических норм всегда точно датировано: так, после реформы орфографии и пунктуации 1956 года все сложные прилагательные, обозначающие как разные цвета, так и оттенки одного и того же цвета стали единообразно писаться через дефис: *розово-голубой, темно-голубой, светло-голубой*, в то время как до реформы *темно-* и *светло-голубой* писались слитно.

Изменение норм орфографии далеко не простой акт, т.к. оно связано с грамматической системой языка. Во время всенародного обсуждения новой, правда несостоявшейся, реформы орфографии в прессе появилась статья, в которой ставился вопрос, нельзя ли устранить мягкий знак в слове *мышь*. Оказалось, что нельзя, так как отсутствие мягкого знака поставило бы это слово в один ряд со словами мужского рода типа *шалаш* и повлекло бы за собою склонение *мыша, мышу*. Этот пример в свое время вызвал юмористические эмоции.

Языковая норма характеризуется такими признаками, как общенародность, современность и ориентированность на развивающиеся в языке процессы. А priori можно утверждать, что преднамеренная архаизация, стремление ввести в язык снова элементы, вышедшие из употребления, противоречит поступательному развитию языка и обречены на неудачу.

В этой связи упомянем *Русский словарь языкового расширения* А.И. Солженицына, вышедший тиражом 20 000 экземпляров, объемом 15 печатных листов в издательстве «Наука» в 1990 году.

Составитель словаря считает, что современная письменная и устная речь оскудевает и что «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств». В аннотации к словарю сказано, что А.И. Солженицын, «опираясь на свое языковое чутье», обратился к сокровищнице словарного фонда Владимира Даля.

Хотелось бы напомнить, что толковые словари русского языка с принятой в них системой стилистических помет – едва ли не основной источник, презентующий существующую норму.

Претендуя на «расширение» языка посредством введения лексических единиц, необходимо помнить о сопротивлении существующей системы, о языковом опыте и привычке носителей языка. А.И. Солженицын предлагает ввести слово *похоронка* в значении «спрятанная вещь» (4, 195), однако вряд ли оно привьется, т.к. в языке уже есть всем известное слово *похоронка*, означающее почтовое извещение о гибели на войне.

Вряд ли есть необходимость заимствовать у Даля (5, 673) слово *ядь* (еда, яство, пища) при наличии всех удовлетворяющего слова *еда*. Слово *обабиться* (Парень обабился) ничем не лучше *жениться; разбагреться* (Щеки разбагрелись) представляется избыточным при наличии *раскраснеться*. Предлагается воскресить глагол *алкать* (4, 11) – голодать, поститься, сильно хотеть, при этом не учитывается, что носители языка воспринимают этот глагол как устаревший (с такой пометой он дается в 17-томном словаре [т. 1, 101]), или используемый в поэтическом, высоком стиле. Система стилистических помет вообще игнорируется автором словаря, например, введенное слово *балаболить*, просторечное, дается без всяких помет.

В тексте, толкующем значение вводимых слов, А.И. Солженицын использует бытовавшие во времена Даля, но впоследствии утраченные

слова типа *бежа* (деепричастие от глагола *бежать*, в современном языке не употребляющееся).

Иногда оба слова – и вводимое и толкующее его, неизвестны в современном языке, например, *аплодировщик – рукоплескатель* (4, 9), между прочим у Даля (5, 19), кроме *рукоплескатель*, находим еще *хлопальщик, хлопуша, ладонщик*.

Некоторые толкования весьма загадочны: неизвестное в современном языке слово *бежок* (вид бега) в словосочетании *один бежок* толкуется как «расстояние в один дух». Что это за единица измерения «один дух» не совсем ясно.

Очень часто толкование вообще отсутствует, иногда при этом возникает вопрос. Что такое, например, *безбрюхий*? У Даля, по крайней мере, это тот, «у кого живот мал, плоский или впалый».

Автором не учитываются словообразовательные моменты: у В. Даля глагол *утренничать* (завтракать), написанный с одним *н*, произведен от существительного *утро*, Солженицын дает его с двумя *н*, считая, вероятно, что он образован от прилагательного *утренний*.

Вводится глагол *пахать* в значении *подметать*, известный во многих говорах. Даже наличие соответствующего текста не избавит от того, что *пахать* будет воспринято как «обрабатывать землю плугом, трактором».

Выбранные А.И. Солженицыным из *Толкового словаря живого великорусского языка* В. Даля слова имели свою историю и причины, в результате которых вышли из употребления, и воскрешение их и внедрение в практику живого языка бесперспективно.

Отметим, однако, что одно слово, использованное А.И. Солженицыным вошло в публицистический стиль языка, а следовательно, и в язык массовой информации, – это слово *обустроить*. В этом стиле оно стало широкоупотребительным после публикации работы А.И. Солженицына *Как нам обустроить Россию*. Между прочим, ни в словаре В. Даля, ни в словаре самого Солженицына в такой огласовке этот глагол не фиксируется, приводится только производящий глагол *устроить* в значении «учредить, распорядиться чем» (5, 515–516; 4, 253). Интересно, что в новом *Толковом словаре русского языка* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой глагол *обустроить* присутствует, однако с пометой «специальный» и значением – «оборудовать».

Литературная норма общенародна, это подразумевает наличие суммы правил, от которых не следует отступать, но вместе с тем она не может не реагировать на развитие языка, то есть подвержена изменениям.

В имевшей место в 1995 году в Москве международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» проблема нормы не была обойдена вниманием: так, в докладе Н. Марашио (Италия) *Итальянский язык в радио- и телевизионных программах: к новой*

социолингвистической категории отмечалось, что средства массовой информации – это зеркало, отражающее проникновение литературного итальянского языка в разные социальные слои общества, а также инструмент процесса стандартизации; констатировалось, что литературный итальянский язык стал более живым языком, на котором говорят и пишут представители разных социальных групп (6, 332).

А вот мнение другого участника этой же конференции, Е.С. Лебедевой, которая говорит об игнорировании всех и всяческих норм языка сотрудниками средств массовой информации, о проникновении нецензурной лексики в печать, на кино- и телеэкран (7, 304–305). И то, и другое мнение справедливы. Осуждая распространение нецензурной лексики, которое стало своего рода модой, речевым проявлением эмоциональной раскованности, позволим себе обратить внимание на только что опубликованную в России книгу под названием *Русский мат*, в которой лексика этого сорта дается в контекстах. Оценить такой сборник предстоит прежде всего лексикологам.

Совсем недавно возникло понятие «экология языка». Слово *экология* в его точном значении – наука о доме, т.е. о среде обитания животных и растений, расширило свое значение, оно стало именовать взаимоотношения природы и общества, кроме того оно стало теснейшим образом связано с понятием и словосочетанием, называющим это понятие, – защита окружающей среды. *Экология языка* – это взаимоотношения языка и общества, на службе которого стоит язык, и соответственно защита языка. Защита от чего? Прежде всего от нарушения языковой нормы.

Отступление от нормы имеет важные объективные причины. Назовем некоторые из них:

1. Расширение круга информантов – людей с разным уровнем образования, воспитания и культуры.

Например, берется интервью у женщины-пограничника, она рассказывает о трудной службе на границе и, желая выразиться, с ее точки зрения, «поученее», говорит: «Инородные предметы, попадающие к нам, отторгаются». Под предметами она подразумевает людей.

2. Недостаточная языковая и культурная компетенция сотрудников средств массовой информации.

Так, из уст корреспондента исходит сочетание «уверенность в свое будущее» вместо «в своем будущем», или журналист произносит: «Ухудшается экология в нашей отчизне», не понимая, что слово *отчизна* принадлежит высокому стилю, и нужно было сказать «в нашей стране».

3. Нарушение нормы часто связано с спонтанностью разговорной речи, хлынувшей на телевидение и радио в таких жанрах передач, как интервью, круглый стол, разного типа развлекательные программы.

Приведем примеры.

Весьма распространенной ошибкой является употребление слов, не сочетающихся по смыслу: «Прослойка *достаточно мала*». *Достаточно и мала* – противоположные слова. То же самое в сочетании «*достаточно краткий обзор*» (*краткий* значит «недостаточный»). «К нему относились с *довольно-таки большим* почтением» (*довольно-таки*, означающее недостаточную меру, противоречит значению *большой*).

В фразе «Мы *столько много* говорим о социальных проблемах» *столько много* – плеоназм, кстати очень распространенный.

Кратко остановимся на примерах другого типа.

«Если на то пошло, человек на 90% состоит из воды». Здесь сочетались разностилевые элементы: разговорный (1-ая часть предложения) и научный (2-ая часть).

В предложении «Какую роль занимает реклама?» произошла контаминация: *играть роль* и *занимать место*.

Или такая фраза: «Хороший пример – авария на Чернобыльской АС». Слово *хороший* неуместно в применении к трагическому событию.

В язык средств массовой информации проникают и жаргонизмы. Если в молодежных музыкально-развлекательных программах еще можно понять употребление для оживления речи слов *тормознуться*, т.е. сделать перерыв в программе, *тридцатник* (тридцать лет), то в языке политических бесед использование жаргонных сочетаний типа «его подставили», т.е. подвели, предали, или «его достали», т.е. до него добрались, совершенно неуместно и дискредитирует не только объект речи, но и самого говорящего. Употребление жаргонизмов обычно сочетается с развязной манерой поведения.

Иногда необдуманность сказанного создает комический эффект, напр., «На призыв откликнулось Московское общество глухих».

Указанные причины имеют экстралингвистический характер, ведут к появлению языковых ошибок, к нарушению нормы.

Им противопоставляются причины иного порядка, связанные с внутренними законами развития языка. Влияние их на норму может иметь решающий характер, вызывая колебания, возникновение вариативности, даже изменение ее. Например, сложная система ударений в краткой форме прилагательных в настоящее время носит академический характер, живой практикой не поддерживается, и поэтому представляет собою слабое звено в цепи нормативных правил.

Отсутствие убедительных оснований для обязательности какого-либо нормативного употребления также может оказаться причиной изменения нормы: кодифицированное употребление флексии *-ов* (граммов, килограммов) может быть поколеблено; во всяком случае социологические

исследования, проведенные сотрудниками Института русского языка, показали, что эту флексию употребляют преимущественно люди самой старшей возрастной группы.

В последнее двадцатилетие в лингвистике возникло и получило обоснование противопоставление кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Языковая норма опирается на язык как систему, вместе с тем она не может оставаться безразличной к явлениям разговорной речи. Пока лингвисты спорили, какие слова можно утвердить в качестве официальных обращений: *сударь* и *сударыня*, *господин* и *госпожа* и т.д., в разговорной речи возникли и, надо сказать, все большее распространение получают обращения *мужчина* и *женщина*. Норма обязательно должна была откликнуться на такое новшество – и откликнулась, вызвав, естественно, негативное отношение к такой форме обращения.

Стремление к кодификации языка неслучайно возникает в переломные моменты жизни общества. В России в XVIII и первой половине XIX века М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, К.С. Аксаков и другие большое внимание уделяют вопросу нормализации литературного языка. Это было закономерно и необходимо, т.к. это время перехода от языка старорусского к современному. Работу по выработке нормы в XIX веке продолжает целый ряд выдающихся лингвистов: так, *Историческая грамматика* Ф.И. Булаева по своему содержанию гораздо шире описания исторического изменения грамматического строя древнерусского языка, а скорее исторический комментарий к языку XIX века с указанием, что является нормой в XIX веке.

Создаются труды, специально ориентированные на проблемы нормы: большую ценность представляет, например, большая монография В.И. Чернышова *Правильность и чистота русской речи* (1910 г.), в которой явления литературного языка отграничиваются от разговорных и диалектных. В наше время широко известен словарь под ред. Р.И. Аванесова *Русское литературное произношение и ударение. Опыт словаря-справочника*.

В наше время коренных социальных перемен, демократизации всех слоев общества, возникновения новых экономических отношений повышение интереса к проблеме языковой нормы неслучайно. Соответствует ли, например, норме вхождение в русский язык большого количества иностранных слов? Многими выражается опасение, что русский язык перегружается англицизмами, однако нужно отметить, что с возникновением новых экономических отношений, с направлением русских на стажировку в ту же Англию или Америку заимствование русским языком необходимых, ставших интернациональными английских слов стало не модой, а необходимостью, т.к. соответствующих русских нет: например, *мэнеджер* – наемный специалист по управлению (8, 311), *мэнеджмент* – управление производством (8, 311), *брокер* – посредник при

заключении сделок, действующий по поручению клиента (8, 91), *чартер* – договор о сдаче напрокат (9, 179), *бартер* – товарообмен (9, 23), *дилер* – посредник при купле-продаже ценных бумаг (9, 38), *ваучер* – приватизационный чек (9, 26). Помимо экономической сферы, в последнее время укрепились слова: *брифинг* – краткое совещание представителей средств массовой информации, на котором излагается позиция правительства по определенному вопросу (9, 25), *импичмент* – процедура привлечения к суду высших должностных лиц с последующей их отставкой (9, 52), *инаугурация* – торжественная процедура вступления в должность главы государства (9, 54), *имидж* – представление о человеке (9, 51), *андеграунд* – официально не признанное искусство (9, 17) и многие другие.

Подобные слова вызывают осуждение у людей старшего поколения, для которых они необычны; для людей молодого поколения эти слова будут привычными, и замены их русскими, которых, кстати, и нет, не требуется. Вспомним Пушкина:

Но панталоны, фрак, жилет,
 Всех этих слов на русском нет;
 А вижу я, винюсь пред вами,
 Что уж и так мой бедный слог
 Пестреть гораздо б меньше мог
 Иноплеменными словами,
 Хоть и заглядывал я встарь
 В Академический словарь.

(Евгений Онегин. Гл. I, XXVI)

С присущим ему лукавством А.С. Пушкин пишет об иноплеменных словах – это скрытая полемика с теми, кто призывал вместо иноязычных слов употреблять русские. Насмешку вызвало, например, предложение вместо *галоши* говорить *мокроступы*. А в Академическом словаре, в который заглядывал Пушкин, русских соответствий, тем более в пору господства в высших слоях общества французского языка, не было. Кстати: Татьяна, русская душою, как характеризует ее Пушкин, писала свое письмо Онегину по-французски. Можно сказать, что заимствования необходимы, если в жизни существуют соответствующие реалии.

Борьбу с нарушениями языковой нормы, имеющими место в средствах массовой информации, как это ни парадоксально, должны вести сами же средства массовой информации, прежде всего в серии передач, в которых не только приводились бы самые разнообразные случаи нарушения нормы, но и разъяснялось бы, в чем эти нарушения заключаются.

Сохранение, стабильность языковой нормы и вместе с тем способность изменяться существуют как ее двуединый признак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов М.В. *Русская фонетика*. М., 1967.
2. Чумак Л.Н. *О предмете сопоставительно-культурогенного синтаксиса как нового направления в языкознании*. – Тезисы доклада на международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы». Т. 2. М., 1995.
3. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных*. М., 1964.
4. Солженицын А.И. *Русский словарь языкового расширения*. М., 1990.
5. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1956.
6. Марашио Н. *Итальянский язык в радио- и телевизионных программах: к новой социолингвистической категории*. – Тезисы доклада на международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы». Т. 2. М., 1995.
7. Лебедева Е.С. *Экология языка: культурологический аспект*. – Тезисы доклада на международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы». Т. 2. М., 1995.
8. *Словарь иностранных слов*. М., 1980.
9. *Словарь-попутчик. Малый толково-этимологический словарь иностранных слов*. М., 1994.

Инеса МАРФУЊИНА

ОЧУВАЊЕ И ПРОМЈЕНА ЈЕЗИЧКЕ НОРМЕ КАО ДВОСТРАНИ ПРОЦЕС
И ЊЕГОВ ОДРАЗ У ЈЕЗИКУ СРЕДСТАВА МАСОВНОГ ИНФОРМИСАЊА

Резиме

Књижевнојезичка норма има два узајамно условљена својства – стабилност и способност да се развија. Њена обиљежја су општенационални карактер, актуелност и оријентисаност на поцесе који се развијају у језику као систему. Ти процеси условљавају појаву варијативности и могу довести до промјене норме.

Намјерна архаизација, васкрсавање елемената који су својевремено нестали из језика, противрјечи његовом развоју и зато нема перспективе. Таквог типа је *Русский словарь языкового расширения* Александра Солжењицина, који се супротставља захтјевима норме.

Нарушавање језичке норме у средствима масовног информисања прије свега је повезано са различитим нивоом образовања, васпитања и културе информаната, као и са недовољном језичком и културном компетенцијом појединих сарадника средстава информисања. Један од узрока нарушавања норме је и спонтаност разговорног језика који је широко заступљен у неким телевизијским и радиоemisјама.

Интензивно продирање у језик англицизама повезано је са објективним узроцима, не противрјечи норми и представља објективну нужност кад је ријеч о реалијама које се именују страним терминима са устаљеним интернационалним статусом.

Нарушавању језичке норме у средствима масовног информисања могу се супротставити различите заштитне мјере у самим средствима јавног информисања.

